



КОЛЛЕКЦИЯ ИСТОРИЙ

# ЧИТАЙТЕ ДРУГИЕ КНИГИ СЕРИИ

---

**МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ЦВЕТЫ И ПТИЦЫ**

**МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ПОСЛЕ ИЗМЕНЫ**

**МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ТО, ЧТО ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ**

**МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ГОРЬКИЙ ШОКОЛАД**

**МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ  
ВЕРЫ ТАПКИНОЙ**

**МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. НЕЗАДАННЫЕ ВОПРОСЫ**

**МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. МИЛЕНЬКИЙ ТЫ МОЙ**

**МАША ТРАУБ. НОВЫЕ СЕМЕЙНЫЕ  
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА**

**ВЕРА КОЛОЧКОВА. ЗИМА ДЖУЛЬЕТТЫ**

**ВЕРА КОЛОЧКОВА. МУЖ В ОБМЕН НА СЧАСТЬЕ**

**ВЕРА КОЛОЧКОВА. ЗАВЕЩАНИЕ КАЗАНОВЫ**

**ТАТЬЯНА АЛЮШИНА. ТОТ, КТО НАЗНАЧЕН СУДЬБОЙ**

**ТАТЬЯНА АЛЮШИНА. ЛЮБОВЬ СО ВКУСОМ ВИШНИ**

**ТАТЬЯНА АЛЮШИНА. РУКИ МОЕЙ НЕ ОТПУСКАЙ**

# ВЕРА КОЛОЧКОВА



ЗИМА  
ДЖУЛЬЕТТЫ



МОСКВА

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
К61

Художественное оформление *Валерии Кольшевой*

В оформлении обложки использована фотография:  
© zhenia ermakovec / Shutterstock.com / FOTODOM  
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

**Колочкова, Вера.**

К61 Зима Джульетты : роман / Вера Колочкова. —  
Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-210621-7

Если представить, что шекспировская героиня не умерла, а осталась жить, но без Ромео, — какой бы она была в зрелости? Возможно, такой же, как героиня нового романа Веры Колочковой, Юлия, оставшаяся вдовой, еще когда ее сын не родился?.. Мечтала бы Джульетта пережить в своей жизни любовь еще раз или так и жила бы памятью о своем потерянном возлюбленном? Какой была бы ее осень? А зима?.. Что может быть печальнее на свете... зимы Джульетты?! Юлия, суровая и стойкая женщина, в одиночку вырастившая сына, давно убила в себе все мечты о любви, она ее не ждет... Но любовь, как подснежник, пробившийся в снегу во время оттепели, проросла в ее душе и растопила лед, давно заморозивший сердце...

**УДК 821.161.1-31**  
**ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-04-210621-7

© Колочкова В., 2025  
© Издание на русском языке, оформление. ООО  
«Издательство «Эксмо», 2025

Увы, любовь желанные пути  
Умеет и без глаз себе найти!

*(Уильям Шекспир  
«Ромео и Джульетта»)*





— Мам! Я серьезен, как никогда! Я люблю ее!  
Я действительно хочу на ней жениться.

— Что?! Что ты сказал?

— Ничего страшного не сказал, по-моему. Должен же я когда-то жениться.

— Значит, все-таки должен? Или любишь?

— Люблю. И женюсь. Такой вариант тебя устраивает? И не надо смотреть на меня глазами оскорбленного бультерьера.

— Глазами... кого?! Бультерьера?

Юля задохнулась, глянула на сына обиженно. Не хватало еще в разговорах меж ними собачьих сравнений. Докатились.

— Нет, ну ты совсем обнаглел, Гош... Мать бультерьером назвал. Спасибо, сынок.

— Ой, мам, прости. Я ж не думал, что ты такую болезненную реакцию выдашь.

— Это не болезненная реакция, к твоему сведению. Это растерянная реакция.

— Да какая разница.

— Есть, есть разница. Хотя — кто знает?.. Когда вот так обухом по голове тюкают, очень болезненно получается. Да, да, ты прав. Если обухом, то болезненно...

— Ой, ну каким, каким обухом? Где ты увидела обух, покажи мне его? Тоже, сделала из меня Раскольникова, обухом ее по голове тюкнули... И вообще, хватит придуриваться, чего на тебя вдруг такая вредность накатила? Другая бы мать радовалась.

— А чему тут радоваться? Не узнал человека, не видел в критических обстоятельствах. Вообще ничего про эту Варю не знаешь. И вдруг бах — женюсь.

— Да зачем мне ее критические обстоятельства? Я же на ней женюсь, а не на критических обстоятельствах. И вообще... Какой-то неприятный у нас разговор получается, не нравится мне.

— А мне-то как не нравится, если б ты знал.

— Мам... Я тебя очень люблю, но... Давай договоримся, что со своими чувствами и поступками я сам разберусь, ладно?

— Ты мне тоже не чужой человек, Гош.

— Значит, тем более. Ничего страшного не происходит, мам, правда. Я нормальный мужик, на нормальной девчонке жениться собираюсь. Или хочешь, чтобы я нашел себе подругу из тех... Которые с бородой да с песнями? Вот это уже был бы полноценный обух, не спорю. Но я ж на Варе женюсь! На хорошей девушке, во всех отношениях положительной. Без бо-

роды, без песен. Нет, не понимаешь ты своего счастья, разбаловал я тебя.

Вот тут бы ей рассмеяться навстречу его неуклюжему шутовству да опустить пониже тональность неприятного, в общем-то, диалога. Но не смогла с собой совладать. Не смогла, черт возьми, не смогла! Понесло изнутри нотой утробного недовольства, и выстрелила сердито, в самом деле, как бультерьер:

— Эта Варя совсем тебе не подходит, совсем. Как бабушка говорила — не пришей кобыле хвост. Не подходит. Совсем не подходит.

Гоша весело и насмешливо поднял брови, вроде того — все понятно с тобой, дорогая мамуля. И выждал, поганец, паузу, глядя на нее снисходительно. Будто она не матерью ему была, а глупой младшей сестренкой. Будто не он только что ее огорошил, а она ему объявила о скороспелом дурацком замужестве. Еще и протянул тихо:

— Ну-у-у, мам... Эк тебя понесло.

— Ой, только не думай, пожалуйста, что я ревную! — взвилась Юля быстрым гневом, уже понимая, что сын прав... Прав, прав, надо признать. И впрямь понесло. И не просто понесло, а именно с ревностью «эк понесло». Но отступить все равно уже поздно. Насмешливость оппонента — не тот плацдарм, на который можно отступить.

— Не ревнуешь, значит? — вкрадчиво переспросил Гоша.

— Еще чего! Нет, конечно!

— А я думаю, вопрос именно в этом. Ревнуешь, мам, еще как ревнуешь, просто перешагнуть через материнскую ревность не можешь. В ступор вошла и не можешь. Это у нас семейная черта — до конца стоять на своем, даже если чувствуешь, что не прав.

— Ты так считаешь, да? Такая у тебя мать глупая курица, да? Ну, спасибо, сынок...

— Не обижайся.

— Вот еще! Дело совсем не в ревности и тем более не в моих обидах. Просто я хотела сказать, что... Что...

— Ну что — что?

— Что это в принципе неудачная затея...

— Затее? О, какое хорошее словцо. Для женитьбы — прям самое то. Лучше не придумаете! А что, класс! Затеелся я как-то жениться, да мамка меня отговорила. Забавно звучит, не находишь? Хм, затея... Надо же.

Гоша смешно пожевал губами, пробуя на вкус «хорошее» словцо, и сморщился, будто собираясь его выплюнуть. Юля, глядя на него, произнесла тихо, со вздохом:

— Да хватит ерничать, хватит... Если хочешь, я могу объяснить, почему тебе Варя не подходит. Повторяю — если хочешь, конечно. А не хочешь, так и не буду.

— Да отчего ж? Давай, объясни, пожалуйста. Очень даже любопытно. Заодно и выговоришься, может, полегчает.

— Ладно, попробую. Хоть и хамишь напропалую, но я все же попробую.

Юля замолчала столь многозначительно, будто и впрямь в голове роилась масса доводов, объясняющих «неудачную» сыновнюю затею. На самом деле не было там, в голове, никаких доводов. Много чего было, а доводов не было. Страх за сына был, например. Обыкновенный страх, сермяжный и глупый. Да, а куда от него денешься? Он в каждой матери живет и по-всякому проявляется, между прочим. У кого-то сидит внутри и затаился на краешке подсознания, и ждет удобного случая, чтобы отнять сына себе обратно у коварной захватчицы. А у кого-то сразу наружу выскакивает и начинает корчиться в падучей, как у нее, например. И это еще поспорить можно, какой страх честнее. Хотя — какая разница, в общем... Все материнские страхи корнями из одного места растут. Из любви. Не протянешь руку и не выдернешь, как сорняки из грядки. А если прибавить к этому страху собственное одиночество — почти потенциальное? Как жить одной, без Гоши? Ждать, когда одиночество перейдет в сумеречно неприка-янное состояние? Ой, лучше не надо... Лучше пусть за руку возьмет — и на Фудзияму ведет помирать, как делали раньше со стариками родителями в Япо-

нии. Правда, до старости еще далеко, семь верст киселя хлебать. Но все равно! Если он так... Пусть за руку — и на Фудзияму!

А молчание-то затянулось, хоть и многозначительное. Пока она внутри сама с собой капризы разводит, Гоша послушно ждет, думает, мамка с мыслями собирается. Ага... Эгоистка у тебя мамка, Гоша, жалкая и перепуганная эгоистка!

Ладно, хватит себя ругать, поздно. Пора голосок подавать, чтобы совсем уж материнский авторитет не обрушить. Сама виновата — зачем в тему ввязалась? Помолчать мудро и по-матерински не могла? Вот и пляши на сковородке, как сорокапятка. Вернее, пробуй объяснять. Вернее, придумывай объяснения на ходу и очень быстро. Она ведь всему и всегда умела находить объяснения, особенно, если в этом назревала крайняя необходимость. Жизнь научила — надо уметь вертеться на горячей сковороде...

— Сынок, вы так мало с этой Варей знакомы... Хотя я предполагаю, что ты мне на это ответишь. Да, дело в не сроках знакомства, конечно. Можно годами узнавать человека и так до конца его и не узнать. Нет, нет, дело в другом...

— Мам, не напускай туману, давай конкретику. Желательно по пунктам и с аргументацией. Почему, по-твоему, Варя мне не подходит?

— Хорошо, хорошо... Скажи мне, Гош, Варя ведь с мамой живет, да?

— Ну да...

— Насколько я обладаю информацией, она очень давно живет с мамой? То есть отца у нее не было?

— Почему — не было? Был... Не от святого же духа дети рождаются. Был, но ушел из семьи, когда Варюхе то ли пять лет было, то ли шесть... В общем, соплячка еще была. Она его и не помнит почти.

— Значит, ее одна мама воспитывала?

— Ну да... А к чему ты клонишь, не пойму?

— И замуж ее мама больше не выходила? И отчима у Вари не было?

— Да нет же, говорю тебе!

— Во-о-от... Во-о-т! Вот тут собака и зарыта, Гош! Очень опасная собака!

— Не вижу на горизонте никакой собаки, мам. И вообще... Какая связь?

— А такая. Самая примитивная, но железно непробиваемая. Дело в том, что девочка, выросшая без отца, никогда не сможет построить нормальную семью, понимаешь? Такая девочка умеет жить либо одна, либо с мамой. Нет, она, конечно, очень хочет жить с мужчиной, чтобы все как у всех... Но не получается у нее. Не умеет. У нее стереотипы полностью отсутствуют, понимаешь? В психической природе навыка к полноценной семейной жизни не заложено. И результат всегда один и тот же выходит — весьма плачевный... Такой брак заранее обречен на неудачу.

— Да? И откуда ты постулаты такие выкопала, интересно? Из Домостроя? Или из телевизора об этом рассказывали? Смешно же, мам.

— Нисколько не смешно. Потому что это правда, сынок.

— Хм... Правда, говоришь? А как насчет мальчиков?

— Не поняла... Каких мальчиков?

— Ну... Если следовать этой твоей логике... Я ведь тоже...

— Что — ты тоже? При чем тут?..

— Ну, ты же так уверенно декларируешь про стереотипы, про навык к полноценной семейной жизни! Можно подумать, будто я рос в семье, где отцов и отчимов было — завались сколько! У меня ж тоже... Как это... В психологической природе навыка не заложено! Так что мы с Варюхой на равных условиях. Она без навыка, я без навыка... А дальше уже — чистая математика! Отсутствие навыка, помноженное на отсутствие навыка, дает положительный результат! И весь твой Домострой и телевизор летят к черту! Или по твоей логике как-то по-другому получается, и отсутствие отца либо отчима в семье мальчика за исходную точку не принимается?

— Георгий! Прекрати сейчас же! И вообще... замолчи! Ты что, совсем не чувствуешь, как сильно меня обижаешь? Что за тон ты взял? Да как ты можешь... Ты же знаешь прекрасно, что... Ты же все, все про меня знаешь... И про отца...

Юлин голос звенел слезой, но она знала, что не заплачет. Позвенит голос и перестанет, и ничего. Слезы — это ж откровенно гнилой аргумент в любом споре, чистой воды шулерство. Но и то, как сын яростно бросился на ту сторону баррикады, ей совсем не понравилось. И потому замолчала, отвернулась к окну, переплела руки кральной под грудью. Дурацкая такая кралька, простоватый бабий жест, совсем ей не свойственный. Говорят — вдовый. Но ведь она и есть вдова. Если по большому счету, без допущений. Нельзя же сказать про женщину — почти вдова или неофициальная вдова.

— Извини, мам. Я совсем не хотел тебя обидеть, извини, пожалуйста.

Голос у Гоши прозвучал мягко, виновато. Можно сказать, проникновенно. Она хотела было повернуться к нему от окна, махнуть непринужденно рукой, разлепив свою дурацкую кральку, и улыбнуться, и сказать что-нибудь хорошее, ничего, мол, бывает, обоих нас понесло, только в разные стороны. Но Гоша вдруг заговорил снова:

— И тем не менее, мам... Давай сделаем так — будем считать наш разговор неудавшимся. Не знаю, может, у тебя сегодня настроение плохое. Но ты все равно должна принять мое решение, я прошу тебя, постарайся, пожалуйста. Ты же у меня умница. Я вообще удивляюсь, что на тебя нашло.

— Тебе этого не понять, сынок.

— Почему? Я прекрасно все понимаю! Да, тебе не просто меня отпустить. Ты привыкла, я привык. Мы замечательно жили с тобой на общей родственной территории. В любви, в понимании, и котлетки у тебя вкусные. Ты не думай, я очень это ценю.

— Что ценишь? Котлетки?

— Ой, зачем ты так? Хватит, а? Ну да, трудно, но не смертельно же!

— Да не о моих трудностях речь, как ты не понимаешь. Как раз о твоих трудностях, которые ты сам себе старательно готовишь. Ну вот скажи... Что, обязательно в загс бежать, да? Оно тебе прям приспичило? А просто встречаться нельзя, что ли? Влюбился — так и люби. Я же не против. А брак — это другое, это серьезно, это большая ответственность! Откуда у тебя такая стремительность взялась? Или... Или?!

Спина у Юли напряглась, но от окна она так и не повернулась. Дыхание вдруг перехватило. Но Гоша понял ее с полуслова. Он всегда понимал ее с полуслова.

— Нет, мам, Варя не беременна. В том-то и дело, что я просто так женюсь, по свободному волеизъявлению. Можно сказать, в кайф женюсь.

— Что значит — в кайф?

— Это значит, по любви. И больше нет других поводов. И этим все сказано. Тебе придется меня отпустить, мама. Ну... Давай будем считать, что я просто

поставил тебя в известность, если по-другому не хочешь принять... Хорошо, мам? Только без обид!

— Хорошо. Как скажешь, Георгий. Будем считать, что ты поставил меня в известность. И на том спасибо.

— Ма-а-м... Ну что ты, в самом деле, опять начинаешь.

— Все, Георгий, все. Наш неудавшийся разговор закончен.

Он стоял, ждал, когда она обернется. Не обернулась. Замерла перед окном как статуя Командора в голубом домашнем костюмчике. Подтянутая, стройная, с вихорками модной стрижки на затылке. Друзья ему всегда завидовали — такая молодая и клевая мать, такая продвинутая. Вот вам и продвинутая! Уперлась с ревностью, как домохозяйка дремучая баба. Еще и это холодное напоследок — все, Георгий, все...

Она очень редко называла его Георгием, только когда морозилась. Вообще-то в обычной их домашней жизни, гармоничной и отнюдь не морозной, он был просто Гошей. А еще чаще — Гошиком. А он называл ее Мамьюль. Просто соединилось в одно от мамы Юли, и получилось Мамьюль... Уютное, дорогое, округло ласковое, как пушистый помпон на ее домашних шлепанцах, как всегда свежее полотенце в ванной, как чистая наглаженная рубашка по утрам, как сырники на завтрак да изумительной вкусноты котлетки на ужин.

Да, жили, как говорится, не тужили. Росли корнями из одной лунки. Без всяких там комплексов, о которых любят потрындеть зануды психологи. Хотя... Теперь выясняется — были комплексы, что ли? Затаились и не показывались, а сейчас вылезли и расцвели махровым цветом? Да ну, ерунда... Просто Мамьюль во временном ступоре пребывает. Очнется, и все будет хорошо. Они же всегда понимали друг друга. Они мать и сын, одна семья, хоть и фамилии у них разные. Мама Симонова, а он — Луценко. По отцу. Которого, кстати, Гоша никогда не видел...

Да, зря он ее сегодня поддел относительно его отсутствия. Некрасиво получилось. Она ж ни в чем не виновата. Она ж наоборот, получается, героиня. Совсем юной вдовой осталась. Беременной.

Он с детства знал, что его отец был самым хорошим, самым лучшим. И что отец погиб. Ему рассказывали. И каждый год был особенный день весной — день поминовения. Скорбный, торжественно молчаливый, с богато накрытым столом, со скорбными лицами мамы, бабушки и ее сестры тети Люды... Годы шли, а лица в этот день были одинаково опрокинутыми. И портрет отца всегда на стене висел. Настоящий, масляными красками писанный по отцовской фотографии, бабушка специально к хорошему художнику обращалась. Красивый на портрете был парень, длинноволосый по той моде, белокурый, голубоглазый, как викинг. Жаль, что погиб. Тут уж мать нельзя

обвинить в пресловутых фантазиях про героического летчика-испытателя или не вернувшегося из дальних морей капитана дальнего плавания. Был, был отец, хороший парень Саша Луценко, мамин однокурсник, альпинист-любитель. Сорвался на Эльбрусе в расщелину и свадьбу с беременной мамой сыграть не успел. Вот тогда бабушка, то есть мама погибшего жениха, позвала маму жить к себе. А мама и пошла, потому что идти ей было некуда.

Вообще, если честно, история для Гоши не совсем ясная была, что-то они, мама с бабушкой, все время недоговаривали. Однажды, правда, тетя Люда сказала что-то такое насчет мамы — вроде того, могла с абортom успеть, срок еще маленький был. Нет, не с досадой сказала, наоборот, с гордостью за маму. И вздохнула, и его, маленького, по голове погладила. Выходит, мать и впрямь подвиг любви совершила? То есть во имя любви?

Нет, а кто посмеет сказать, что это не подвиг? Да, со свадьбой не успели, но любовь-то у них была! Настоящая, большая, как у Ромео с Джульеттой! А он, выходит, результат любви и подвига. Наверное, это неплохо в конечном итоге — быть результатом большой любви. Говорят, дети качественные рождаются. Хотя бы внешне.

Что ж, в этом смысле судьбу гневить не приходится, внешне он вполне симпатичный парняга получился, по имени Гоша Луценко. Даже похож немного

на того, популярно киношного и ужасно обаятельного почти тезку, подумаешь, первой буквой в фамилии не совпадает! И Варя говорит — похож... Ну, может, уверенности в себе поменьше и до брутальной лысины еще далеко. Зато обаяния — хоть отбавляй. Так Варя говорит. И даже смеется при этом — ничего, мол, скоро перешагнешь за тридцатник, там и лысина сама собой организуется... А пока терпи, совсем немного осталось! Варя... Забавная она все-таки... Кстати, а ему ведь бежать пора! Договорились в семь встретиться, а стрелки на часах половину седьмого показывают!

Дернулся было Гоша к двери, но остановился. Мама... Она ж так и стоит у окна... Вот же вредный Мамьюль какой!

— Мам! Ты в порядке? А то мне уходить пора. Меня Варя ждет.

— Иди... Хотя погоди! Задержись еще на минуту. Успеешь. Уж извини, что я тебе об этом напоминаю. Ты, случаем, не забыл, что уже был женат однажды? Я, например, не забыла. Помнишь, как ты выбирался из этого ужаса? И я... Как потом в себя приходила... Ты помнишь? Я уж не говорю, что случилось с бабушкой.

Он ничего не ответил. Зачем, зачем она?! Договорились же — никогда не вспоминать. Получается, удар ниже пояса.

— Ладно, мам, я пошел.